

Нужно ли нам «проповедовать об этом на кровлях»?

Нужно ли нам «проповедовать об этом на кровлях»?

Прошло уже восемь или девять лет с тех пор, как я перестал быть гомосексуалистом. Уже была основана миссия Regeneration, и я активно работал в Exodus (всемирное объединение христианских миссий для мужчин и женщин, преодолевающих гомосексуализм – прим.перев.). Я выступал по христианскому радио и на телевидении, а также говорил о том, что я бывший гомосексуалист, в некоторых христианских публикациях. Но теперь, с моего согласия, одна из газет Балтимора собиралась опубликовать статью о миссии Regeneration и об Алане Медингере. Статья вышла на первой странице воскресной газеты, там же была и моя фотография. Теперь об этом узнает и мое «мирское» окружение: соседи, друзья, коллеги.

В понедельник, после выхода статьи, я шел по офису, чувствуя себя полностью обнаженным – я не могу подобрать другие слова, чтобы описать это чувство. Я уже больше не мог контролировать, кто знает об этом, а кто – нет, и я чувствовал, что для большинства моих коллег это была настолько неловкая ситуация, что они никогда бы даже не завели разговор об этом – только в случае, если бы я сам коснулся этой темы. Этот понедельник был одним из самых тяжелых дней в моей жизни. Однако, как оказалось, на большинство моих друзей это откровение не оказало особого влияния.

Перед тем, как дать интервью, которое послужило основанием для статьи, я почувствовал, что получил ясное указание от Господа о том, что пришло время убрать все ограничения относительно гласности. Бог был очень терпелив по отношению ко мне, позволив растянуть этот процесс на несколько лет, но сейчас те ограничения, которые остались, мешали осуществлению служения, поэтому от них необходимо было избавиться.

Большинству мужчин и женщин, освобождающихся от гомосексуализма, не приходится принимать решения о статье на первых страницах местных газет. Но практически для каждого человека с гомосексуальным прошлым решение о том, кому рассказать, является критическим – и очень трудным. Большинство не получает такого ясного указания, которое получил я. В основном, речь идет не об интервью в прессе, а о разговоре с близким другом или членом семьи, священником или пастором, человеком, с которым они встречаются, или с членами домашней группы или церкви. И для большинства это мучительное решение, которое, как им совершенно правильно представляется, может сильно повлиять на наиболее важные для них взаимоотношения, на их собственное продолжающееся исцеление и на их усилия жить жизнью, угодной Богу.

Чтобы помочь тем, кому приходится принимать такое решение, я хотел бы предложить на ваше рассмотрение семь принципов касательно предания гласности нашего гомосексуального прошлого, а также поговорить о том, каким образом нужно учитывать эти принципы, принимая столь сложные решения. Итак, во-первых, принципы:

1. Величайшая свобода – не заботиться о том, кто знает, а кто – нет.

Когда нам нечего скрывать, мы абсолютно свободны. Когда об этом знают все, или когда нам безразлично, кто об этом знает, это становится не так уж и важно для нас самих. Нам уже не нужно постоянно охранять эту область нашей жизни. Нам не нужно постоянно быть начеку. Скажем мы этому или тому человеку или нет, не так уж и важно, и мы свободно можем сосредоточиться на чем-нибудь другом и быть теми, кто мы есть на самом деле.

2. Одна из наиболее серьезных угроз для нашего исцеления – возвращение к одиночеству.

Для многих важный шаг вперед в процессе исцеления наступает, когда они впервые связываются с нами и разбивают ту стену одиночества и изоляции, которая окружала их все эти годы. Изоляция только подпитывает и усиливает чувство стыда. Изоляция в этом вопросе отделяет нас от любви и поддержки других людей. Мы абсолютно одиноки в нашей борьбе с гомосексуализмом, и зачастую единственный голос, который мы слышим – это голос нашего врага, «отца лжи», обвиняющего нас. Когда люди (особенно те, которые выросли в консервативной христианской среде) обнаруживают, что они могут быть открытыми и честными относительно этой части их жизни с другими христианами, у них вырабатывается совершенно иной взгляд на жизнь и новое отношение к действительности.

Существует реальная возможность возвращения к изоляции, когда люди покидают служение, где им помогали избавиться от гомосексуализма, особенно если они были откровенными только в безопасном окружении, в рамках небольшой группы. Но для того, чтобы рост продолжался, требуется общение и с другими христианами. Послушание в вере часто означает подотчетность Телу Христа (т.е. Церкви – прим. перев.). Для того, чтобы быть полноценной личностью, необходимо, чтобы хотя бы где-то мы могли быть самими собой. Ничего из вышеперечисленного невозможно, если мы возвращаемся обратно к изоляции.

3. Последствия рассказа о нашем прошлом могут быть тяжелыми.

Было бы глупо преуменьшать возможные негативные последствия откровенного рассказа о нашем прошлом как для нас, так и для наших близких. В некоторых религиозных кругах гомосексуальное прошлое навсегда закрывает для человека возможность служения. Учителя, вожатые и наставники детских организаций, военнослужащие или те, кто занимает видные посты в консервативных компаниях или организациях, должны отдавать себе отчет в том, что их опасения о последствиях такого рода откровенности не беспочвенны.

И, конечно, наши близкие... Для меня самой мучительной в решении быть откровенным была мысль о том, как это повлияет на моих детей. Не так давно одна из репортеров другой местной газеты предложила написать статью о Regeneration. Я попросил ее подождать до лета, пока школьники не пойдут на каникулы. Я не хотел, чтобы моему 15-летнему сыну пришлось идти по школьным коридорам в тот день, когда статья обо мне появится в утренней газете. Возможно, я неправ, защищая его таким образом, но я не думаю, что я ошибаюсь, предполагая возможность определенных последствий для пятнадцатилетнего мальчика в этой ситуации.

4. Никто не знает вас по-настоящему, если они не знают о вашем гомосексуальном прошлом. Мы представляем собой личность, созданную Богом и сформированную в результате того, что мы испытали. И невозможность поделиться одним из своих сильнейших переживаний – и, будем надеяться, одной из величайших побед в нашей жизни – с кем-то, кого мы действительно любим, означает, что мы не даем этому человеку шанс узнать нас такими, какие мы есть на самом деле. Если мы постоянно вынуждены избегать разговоров об этой стороне нашей жизни, это значит, что мы скрываем часть себя самих от наших близких. В такой ситуации не может возникнуть подлинная близость. Родители, братья и сестры, супруги или будущие супруги, близкие друзья, пастыри Церкви, те верующие, с которыми у нас есть близкие отношения – все они не могут узнать нас по-настоящему близко, если мы не разделяем с нами и эту часть нашей жизни. И отношения никогда не могут достичь полноты, если мы не хотим быть честными и отказываемся быть уязвимыми.

5. Вы бы не хотели, чтобы люди, смотря на вас, думали только о вашем прошлом.

Фрэнк Уорфен (Frank Worthen), один из основателей Exodus, сказал, что для нас, тех, кто ведет служение для экс-геев, наше гомосексуальное прошлое – это как следы от распятия на руках. Их нельзя стереть, потому что наше личное свидетельство – это неотъемлемая часть нашего служения. Однако другие – те, кто не занимается публичным служением – не хотели бы быть

известными в качестве «бывших гомосексуалистов». Ни один член Тела Христова не должен характеризоваться по тем грехам, которые он совершил ранее. Тем не менее, если принять во внимание отношение многих христиан к гомосексуализму, а также тот факт, что немногие бывшие гомосексуалисты известны как таковые в Церкви, вполне возможно, что это определение «прилипнет» к нам, как ярлык. И это может стать своеобразным фильтром, через который наши братья и сестры во Христе будут смотреть на нас.

6. Когда вы открыты, вы можете помогать другим.

Многие люди рассказывали мне с определенной долей печали и стыда о том, как другой человек поделился с ними своими переживаниями о своей собственной борьбе с сексуальной поврежденностью, а они, поклявшись никому не открывать свое прошлое, молчали, отказываясь поделиться надеждой, которую могли предложить. Когда я выступаю в церквях, больших или маленьких, практически постоянно ко мне подходит хотя бы один из членов церкви, переживающий серьезную проблему в области секса – кто-то, кто, скорее всего, молча страдал в течение многих лет. И не думаю, что это происходит из-за моей особой «компетентности» в этом вопросе, скорее, это влияние того, что я поделился своим свидетельством и не пострадал при этом. Они знали, что я могу понять их проблему.

7. Ваше свидетельство воздает славу Богу.

Чем больше мир говорит о том, что мы не можем измениться, тем больше славы получает Бог, когда мы все-таки меняемся. Для христианина благовествование не является чем-то необязательным, это часть наших обязанностей как христиан. Для меня, а возможно, и для вас, Благая Весть включает в себя и то, что Бог одержал победу над гомосексуализмом в нашей жизни. Мы можем либо свидетельствовать о Его славных делах, либо отречься от Него. Согласен, это жесткие слова, но разве это не так?

Пять из семи принципов говорят нам о том, что мы должны делиться своим прошлым. Два – негативные последствия и возможность навсегда остаться «бывшим» в чьих-то глазах – предостерегают нас от излишней откровенности. Но есть и еще одна причина, почему мы не хотим делиться своим прошлым, о которой еще не упоминалось, и, возможно, она и является основной для большинства людей. Это гордость, коренящаяся в низкой самооценке.

Низкая самооценка – это основной элемент гомосексуального состояния. Многие из нас научились избегать боли, причиняемой низкой самооценкой, через различные системы самозащиты. Некоторые из нас, чья самооценка основана на мнении других людей, создают ложный образ самих себя, чтобы получить уважение и восхищение окружающих. И тогда, поделившись с кем-то истиной о себе, мы рискуем разрушить тот образ, который мы так тщательно создавали, образ, созданный нашей гордостью.

Но это означает лишь, что мы возвращаемся обратно к своей поврежденному «я». Это ничего не решает. Самозащита и ложный образ никогда не помогут нам избавиться от низкой самооценки. Мы сможем от нее избавиться, только если действительно будем сами собой. Когда мы живем в соответствии с тем, кто мы есть, это заставляет нас принять самих себя, и, в конце концов, найти тех, кто искренне любит и принимает нас такими, какие мы есть на самом деле. И враг уже не сможет нам шептать, мол, «если бы они знали, они бы тоже отвергли тебя». Соответствующее «саморазоблачение» может являться частью процесса исцеления. Если мы позволяем страху и стыду держать нас в плену в рамках ложного образа, это становится препятствием на пути к исцелению. Двенадцатый Шаг в АА («Анонимные Алкоголики» - прим. перев.) – рассказать другим – также основан на обсуждаемых выше принципах. И АА считают Двенадцатый Шаг одним из основных для сохранения полученного исцеления.

Так какое же решение нам принять? Кому рассказать? Какая степень «саморазоблачения» будет «соответствующей»? Если вы принимаете семь принципов, описанных выше, вы неизбежно придете к выводу, что каждому из нас необходимо рассказать хотя бы кому-то – чтобы кто-то действительно знал нас. Более того, я верю, что чем более мы чувствуем себя свободно, рассказывая об этом, тем лучше. Возможность негативных последствий и шанс навсегда получить ярлык «экс-гея» могут повлиять на время и содержание нашего «саморазоблачения», но это не должно быть оправданием для молчания. И в заключение, степень и долговечность полученного исцеления также должны определять, насколько мы можем «открыть» нашу жизнь и использовать то, что с нами происходит, как лучик надежды для других.

Псалмопевец говорит нам: "Род роду будет восхвалять дела Твои и возвещать о могуществе Твоем." (Пс. 144:4). Давайте и мы будем делать то же.